

УДК 882.09
ББК 83.3 (2Рос=Рус)

Инна Валерьевна Моторкова,
учитель русского языка и литературы,
СОШ № 49 с углубленным изучением английского языка
(Чита, Россия), e-mail: motorkova@yandex.ru

Языковая организация дневникового повествования

В статье выявляется и анализируется языковой аспект организации дневникового повествования. На материале произведения С. Н. Есина «Дневник ректора. 2005 год» рассмотрены особенности языковой организации дневникового повествования, среди которых в исследовании отмечены смена точки зрения, переходы между формами грамматического лица, обеспечивающие усиление объективности повествования; межтекстовые связи; переплетение разнообразных словесных рядов в тексте. Одной из особенностей дневниковых записей является нарушение грамматических норм при употреблении различных временных форм с целью придания реалистичности описываемым событиям. Образы в текстах дневниковых записей не «прорастают», а «вставляются» готовыми. Отмечается, что целостность дневниковых записей, представляющих собой самостоятельное произведение, обеспечивается ведением нескольких сквозных тематических линий. Как стилистические особенности рассмотрен внутренний диалог писателя с собой и с читателем, метафоры, сравнения, парцелляция, многосоюзие. Указанные приемы построения текста, взаимодействуя, развиваются в тексте, обеспечивая его динамичность, целостность.

Ключевые слова: языковая организация, дневниковое повествование, межтекстовые связи, условность грамматического лица, нарушение грамматических норм, временные формы, сквозные тематические линии, метафора, сравнение, парцелляция, словесные ряды.

Inna Valer'evna Motorkova,
Teacher of Russian and Literature,
Secondary Comprehensive School No. 49
with Profound Studying of English
(Chita, Russia), e-mail: motorkova@yandex.ru

Linguistic Organization of Diary Narration

The article covers identification and analysis of diary narration linguistic aspect. A case study of *Rector's Diary. 2005* by S. N. Esin describes the peculiarities of diary narration linguistic organization, among which there is viewpoint change, grammatical person shifting to increase objectiveness, intertextual links, and intertwined coordinating constructions in the text. One of the peculiarities of diary narration is violation of grammar rules in using different tense forms to make events more realistic. Images in diary texts are not gradually introduced but appear fully complete. It is noted that wholeness of diary texts as independent literary works is reinforced by plurality of theme-lines. Inner dialogue of the author with readers and himself, metaphors, comparisons, parceling, and polysyndeton are analyzed as stylistic peculiarities. The mentioned components of linguistic composition evolve in the text providing for its dynamics and wholeness.

Keywords: linguistic organization, diary narration, intertextual links, grammar person conventionality, grammar rules violation, tense forms, continuous theme-lines, metaphor, comparison, parceling, polysyndeton, verbal coordinating construction.

В конце 90-х годов XX века, в силу культурно-исторических и экономических преобразований в стране, в русской литературе наряду с господствующим постмодернизмом начинает набирать силу «новый реализм». Изменяется не только герой, но и отношение к нему автора, что обусловило развитие характерной черты литературы последнего десятилетия – присутствие в ней собственно автора, при этом ослабляется сюжет и усиливается документальность. Спрос на документальность определяет эволюцию как текстов мемуаров и дневников,

интерес к которым продолжает расти, так и публицистического текста в целом как продуктов культуры постиндустриального информационного общества. «Факт» в некотором роде отесняет образную интерпретацию событий. При этом исследователями отмечается, что эгожанры, развиваясь, стремительно модифицируются и, возможно, в скором времени возникнет необходимость говорить уже не о модифицированных, а принципиально новых жанрах.

В этом плане показательны дневники С. Есина, давно привлекающие внимание

литераторов, литературных критиков, деятелей культуры и искусства. С. Есин приводит высказывание профессора Литинститута Е. Ю. Сидорова: «У Есина, конечно же, никакой не дневник вовсе, а литературный жанр лирического высказывания и запечатления времени вокруг, предназначенный для немедленной публикации» [7, с. 6–7].

Действительно, прочтение дневников С. Есина приводит к мысли, что автор нарушает жанровые каноны. К. Д. Гордович пишет: «Дневники относятся к числу эго-жанров. Как правило, они пишутся для себя, без оглядки на какую бы то ни было цензуру <...> Вместе с тем дневник писателя – это всегда художественное произведение. Писатель не перестает мыслить образами <...> Дневник писателя – источник как для изучения эпохи, в которую жил автор, так и для постижения его творческой лаборатории» [4, с. 36]. Сам С. Есин признаётся: «Отчётливо сознаю, что пишу свой дневник отчасти ещё на публику» [10, с. 389]. В своём научном исследовании писатель отмечает: «Я думаю, что побудительный мотив к написанию дневника – мысль о живых» [6, с. 185].

Литературный критик и обозреватель П. В. Басинский утверждает: «Дело в том, что Сергей Есин, специально или нет, создал принципиально новый тип «Дневников». На первый взгляд это свалка ежедневных жизненных отходов автора (простите за грубость). <...> Но есть в «Дневниках» Есина одна, простите за банальность, связующая нить. Это тема «креста». Того самого креста, который всякий порядочный человек, даже не верующий, несёт на себе всю жизнь. <...> Вам плохо? Вам очень плохо? Вам совсем невмоготу? Идите гулять с собакой. <...> Помогите больной жене. Помойте посуду и полы. <...> И всё. И это жизнь. Такой награды Бог Другой не заслужили» [3, с. 6–7].

До недавнего времени исследователи жанрового своеобразия дневниковой прозы С. Есина в своих работах большей частью обращались к особенностям формы, не анализируя языковую составляющую повествования. Языковая организация дневников, в частности публичных дневников, стала привлекать внимание исследователей в последнее время. Так, к примеру, проблеме языковой организации дневниковой прозы посвящён ряд работ и диссертаций. Это исследования Н. Б. Анциферовой, Т. Г. Кучиной, Е. Г. Новиковой, В. К. Харченко и др. Однако проблема языковой организации дневникового повествования остаётся до конца не

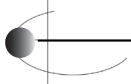
исследованной. Следовательно, научная новизна определяется как выбором материала (дневниковая проза С. Есина), так и самим теоретическим положением, основанным на сравнении языковой организации художественного повествования с дневниковым повествованием.

Специфику организации дневникового повествования у С. Есина рассмотрим на материале «Дневника ректора. 2005 год». Отметим важные специфические приемы построения текста.

Прежде всего, по мнению Г. Д. Ахметовой, художественные образы не «прорастают», как в художественном повествовании, они «вставляются» уже готовыми, подсмотренными, запечатлёнными, «просканированными» писательским взглядом: «Пожилые дамы с зализанными от постоянного ухода лицами» [10, с. 348]. В некоторых случаях образ (чаще всего это образ, известный читателю-современнику) представляется точной, ясной деталью, незначительной на первый взгляд, но отчего-то важной для писателя, отмеченной им: «Занялся разглядыванием прекрасно выбранного затылка В. В. [Путина]» [10, с. 353].

Текст дневника большей частью организован первым лицом. Однако время от времени автор, желая выйти из ситуации и взглянуть на неё со стороны, оценить, переходит к повествованию, говоря о себе в третьем лице, ссылаясь на себя; то есть, можно говорить об условности грамматического лица (термин Г. Д. Ахметовой): «Но творческая интеллигенция, так хорошо имитировавшая, *по Есину*, идеологическую верность и преданность, разжигавшая всегда партийные страсти против инакомыслия, отодвинув пионеров, начала свой особый отсчёт уже другой, политической перестройки» [10, с. 326]. В целом же, образ рассказчика является организующим центром языковой композиции.

Каждый описанный день – самостоятельное произведение, целостное и завершённое, с подведением итоговой черты в конце записи в форме вопроса или утверждения себе, читателю, наиболее взволновавших автора в этот прожитый день. При этом тексты, описывающие каждый день, связаны между собой как в смысловом плане, так и в языковом, что усиливает динамичность повествования, а также усиливает единство, целостность текста. Например, осмысление происходящего в стране («Так вот Серёжа сказал, что в Москве идут жуткие скандалы. Льготники наконец-то сообразили, что принесли им новые законы<...> Уже налицо конфликт

Москвы и Московской области» [10, с. 241]) перемежается с личным взглядом: «<...> все его мелкие редакторские уточнения очень по делу» [10, с. 241]. Можно привести ещё пример: «Телевидение, не переставая, говорит о катастрофе и цунами в Юго-Восточной Азии, цифры погибших всё время увеличиваются и достигают сейчас 150 тысяч. Катастрофа библейская. Уехал в Ленинград Василий» [10, с. 242]. Осмысляются и описываются не только события, значимые для страны, но и для всего мира: «Телевидение продолжает показывать иногда шокирующие подробности цунами в Юго-Восточной Азии. Число жертв достигло уже 165 тысяч. Это библейские размеры и Божье наказание человечеству за его гордыню и пренебрежение естественными формами жизни» [10, с. 247]; «В русских и размах, и жалость, и доброта так же широки, как и подлость» [10, с. 283].

Осмысление глобальных проблем литературы, политики страны сменяется внешне незначительными, но отмечаемыми автором: «У нас в гостинице висит объявление, что участников фестиваля обслуживает одна из парикмахерских. Студент третьего курса Саша Демахин сегодня бесплатно постригся» [10, с. 324]; «Поговорили об Украине <...> Прикинули, сколько нам придётся платить в связи с новыми гримасами жилищной «реформы». Потом В. С. варила харчо» [10, с. 326].

Одним из распространённых приёмов построения дневникового повествования является употребление межтекстовых связей. Так, например, следующая запись в дневнике «Я, наоборот, полон уныния: много званых, но мало избранных» – это аллюзия к библейскому тексту. В описании писательского мемориала во Франции наблюдается прямое цитирование современных слоганов: «Не тормози! Сникерсни!» Подводя итоги значимого в рамках одного дня события, С. Есин апеллирует к народной мудрости: «Малые несчастья стряхнут нас от больших» [10, с. 241].

В дневниковых записях С. Есина наблюдается несколько сквозных тематических линий, способствующих связи отдельных произведений в единое целое. К этим темам можно отнести рассуждения об участии пенсионера в России, льготах и ценах на лекарства. В частности, в этом случае используется приём риторического вопроса: «Не окажется ли нынешнее поколение через несколько лет в таком же положении, в каком оказались сегодняшние наши пенсионеры?» [10, с. 262].

Ведение дневника требует от писателя не системности, регулярности, своевременного

осмысления, при этом автор поставлен в узкие временные рамки, что порой может лишить его возможности свободно обдумать фразу, её построение, содержание записи. Однако в дневниковых записях С. Есина проявляется его индивидуальный стиль. В. К. Харченко так оценивает стиль С. Есина: «Это во многом почти телеграфный стиль записи впечатлений и оттенков событий...это движущаяся вслед за ДНЕМ дневниковая фраза» [9, с. 62]. Сам С. Есин пишет о стиле следующим образом: «...писатель каждый раз для новой вещи изобретает новый стиль» [6, с. 62].

Спецификой построения дневникового повествования является внутренний диалог писателя с собой и с читателем: «Сохранились ли предыдущие письма к нему?» [10, с. 261]; «Пишу всё о внешних сторонах жизни, а что же внутри?» [10, с. 334]. Диалог с самим собой порой переходит в диалог с читателем: «Писал ли я раньше, что в недрах МСПС назревает жестокая склока?» [10, с. 296]. В дневниковое повествование, таким образом, вводится образ читателя.

Иногда в дневнике проявляется диалог с невидимыми, мнимыми собеседниками: «Так вот, Серёжа будто бы сказал, что не выйдет на сцену вместе с жюри. Он не согласен с первой строчкой решения! Это, конечно, могло вызвать некоторое недоумение. Но на этот раз представление жюри не планировалось. «Как же так?» А вот так! Ах, русский человек, ему ещё обязательно на все стороны расказать о том, что он не согласен...» [10, с. 330].

Следует сказать о такой языковой особенности дневникового повествования, как эпитеты, среди которых встречаются окказиональные, метафорические: «шелестящий голос Сергея Михалкова» [10, с. 293]; «люди эти, в основном, неглупые, но декоративные» [10, с. 294]. Близки к эпитетам живые метафоры (о живом литературном тексте, о живых метафорах пишет Г. Д. Ахметова): «**Вымысел отоцал**» [10, с. 241]; «Лично у меня к этому человеку нет ни ненависти, ни неприязни, одно **спокойное, тихое и ползучее презрение**. Обычный средний писатель, в ком **честолюбие съело всё**, а теперь ещё жизнь заставляет вертеться и строить из себя фигуру, когда никакой фигуры, и даже контура её, уж нет» [10, с. 255]; «Эти **мысли я опрокинул** на учёный совет» [10, с. 275]; «Наши либеральные девушки с самого начала как-то запеленали меня своей жалостью...» [10, с. 275]; «Ведь **цитату нужно ещё размять и встроить** в текст...», «**Целая гроздь татарских городов** по нижнему течению Волги»

[10, с. 318]; «Я **скрутил несколько фраз**, скорее ловких, нежели глубоких» [10, с. 322]; «<...> **почерк <...> алгебраичен** до изумления» [10, с. 328]; «Она <...> **брызжет доброжелательностью**» [10, с. 354]; «**ум** отказывается работать, всё **вяло, вплоборота**» [10, с. 330]. Живая метафора может быть основой живого художественного образа и потому она часто получает продолжение, разворачивается в тексте: «*6 марта, воскресенье*. Повесил на стену список лекарств, которые в разное время должен принимать. Список из девяти пунктов. Такая грусть, столько времени требуется, чтобы в моём возрасте просто подерживать более или менее нормальное состояние. Когда плохо себя чувствуешь – **и голова тупая, мысль ленивая плоская**. **Живу как на станции, всё время в уме держу расписание**» [10, с. 334]; «Весь день практически сидел дома и медленно правил своё эссе о воровстве, даже придумал ему название «Библейская заповедь». Подобная работа состоит из огромного количества дописок, уточнений, сопоставлений, согласований, **лист компьютерного текста превращается в некое кружево**, которое приходится снова и снова распечатывать, зато потом всё приобретает определённую плотность» [10, с. 342].

Наряду с метафорами используются сравнения, которые также являются компонентом текста: «<...> один этот горький опыт, **как сухой листок-закладка в книге его юности <...>**» [10, с. 341]. В этом сравнении ощущается стилистическая переключка с метафорой «*книга юности*». Приведём ещё примеры сравнений: «Вот так, мир уже открыт, он, оказывается, как круг сыра, кусай его с любой стороны» [10, с. 350]; «<...> без очереди, **будто ленинградец-блокадник**, получил рукопожатие»; «Как я люблю этот перебор книг и знакомых цитат, ощущение такое, **будто погружаешься в банку с мёдом**» [10, с. 275].

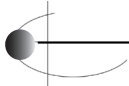
Стилю С. Есина присущ особый синтаксис, одной из особенностей которого является использование парцелляции: «Все остальные банщики компаньоны меня бросили... **Я и собака**» [10, с. 239]; «Резко повысились цены на билеты железной дороги. **Пусто**» [10, с. 239]; «В Киргизии отменили итоги выборов, Акаев улетел за границу, в Бишкеке идут грабежи магазинов. **Скучно**» [8, с. 366]; «И тем не менее у Светланы есть стремление через покровы приблизиться к плоти жизни. **Здорово**» [10, с. 379]; «Мы все молодые <...> в Обнинске. **Река. Солнце**» [10, с. 722]. Явление парцелляции позволяет уплотнять текст, охватывая как можно больше значимых событий дня.

Ещё одной характерной чертой стиля С. Есина можно считать смену интонации в описании одного дня. Так, например, деловой тон повествования сменяется разговорным: «Ну, думаю, как она будет отсюда выбираться?» Ровный тон внутреннего рецензирования книги обрывается разговорным выражением: «Мне так хотелось объявить Пелевина первым российским писателем-беллетристом, но в финале всё сдохло» [10, с. 297].

Одной из особенностей дневниковых записей является нарушение грамматических норм при употреблении различных временных форм: «*5 января, среда*. Днём **пошёл** за водой на источник, а потом **гулял** с собакой. Мы **шли** с ней по дороге вдоль участков, внезапно Долли **пролезла** в какую-то дыру в сетчатом заборе и **пошла** вдоль чужого участка, параллельно мне. Ну, **думаю**, как она будет отсюда выбираться? Наконец, она **уткнулась** в забор, тоже из сетки <...>. Я **продолжаю идти**, вернее, уходить от Долли, а она **начинает искать** дырку в новом заборе. Её там нет, собака **мечется** вдоль этого поперечного забора. Долли **может догнать** меня, если **вернётся** по своим следам, **найдёт и вылезет** именно в ту дырку, через какую она и **залезла** на участок...» [10, с. 242].

Подобные нарушения в согласовании характерны для разговорной речи, характеризующейся колебанием норм грамматики. Такой приём создаёт впечатление живого, импровизированного потока речи, усиливает реалистичность описываемых событий.

Реалистичность, становящаяся в дневниках С. Есина художественной, придают записям переплетение разностилевых словесных рядов в тексте: «*13 апреля, среда*. В три часа состоялась **защита кандидатской диссертации** Эдика Полякова. Я достаточно редко хожу на защиты и никогда не хожу на положенный по этому случаю **банкетец**. Но на этот раз отсидел всю официальную церемонию и, чтобы сказать несколько слов об Эдуарде, пошёл на маленький **выпивон**. Эдик – один из самых первых моих студентов, из рабочей среды, из многодетной и **довольно тёмной семьи**. **И** поступал он к нам чуть ли не через десять лет после школы. Как же он не вписывался в **привычный ряд учившихся** у нас! В эту **среду чистеньких девочек** из апартаментов Аэропортовской улицы. Он работал у нас дворником, слесарем, делал **бетонную стяжку под туалеты** в общеджитии. Я не давал его исключить, так же как и Авдеева, и других. Ребята буквально **за волосы вытащили** себя к **иной жизни**. **И** дис-

сертация у Эдуарда очень хорошая, и речь – внятная и умная. **И** помнит он своих учителей: вспомнил Евгения Ароновича Долматовского, который написал на его «приёмные» стихи положительную **рецензию** <...>» [10, с. 386]. Использование повторяющего союза «и» в приведённом отрывке не приводит к замедлению темпа повествования, а делает его полновесным, экспрессивным.

Рисую образы своего настоящего, автор ставит в один ряд различно окрашенные стилистически единицы, среди которых встречаются разговорные слова («Женя, конечно, человек **компанейский, богемный...**»), неологизмы («**офранцузенные** дети»). Такой приём также усиливает плотность повествования.

Таким образом, для дневникового повествования С. Есина характерны приёмы построения, определяющие как специфику индивидуального стиля писателя, так и во многом специфику дневникового повествования (в отличие от художественного): обращение автора к межтекстовым связям; условность грамматического лица; ведение нескольких тематических линий, связывающих отдельные дневниковые записи в единое целое; нарушение грамматических норм при употреблении различных временных форм; специфика художественного образа; метафоры и метафорические сравнения; объединение разностилевых словесных рядов. Данные приёмы построения текста способствуют его единству, целостности, динамичности.

Список литературы

1. Ахметова Г. Д. Языковое пространство художественного текста (на материале современной русской прозы). СПб.: Реноме, 2010. 244 с.
2. Ахметова Г. Д. Языковые процессы в современной русской прозе (на рубеже XX–XXI вв.). Новосибирск: Наука, 2008. 168 с.
3. Басинский П. В. Писатель против словесности (О «дневниках» С. Есина) // Литературная газета. 2002. № 46. С. 7.
4. Гордович К. Д. Творческая индивидуальность писателя: учеб. пособие. СПб.: Петроний, 2009. 240 с.
5. Горшков А. И. Русская стилистика. Стилистика текста и функциональная стилистика: учеб. для пед. ун-тов и гуманит. вузов. М.: АСТ: Астрель, 2006. 367 с.
6. Есин С. Н. Писатель в теории литературы: проблема самоидентификации: науч. монография / отв.ред. Вл. А. Луков. М.: Лит. ин-т им. А. М. Горького, 2005. 326 с.
7. Случайная закономерность. Сергей Есин – Марк Авербух: Межконтинентальные разговоры. М.: Terra – Книжный клуб, 2009. 304 с.
8. Харченко В. К. Теория текстовых напряжений и художественная проза С. Н. Есина.
9. Харченко В. К. Феномен прозы позднего Есина: монография. М., 2007. 248 с.

Источники

10. Есин С. Н. Твербуль, или Логово вымысла: роман места; Дневник ректора. 2005 год. М.: Дрофа, 2009. 783 с.

References

1. Ahmetova G. D. Jazykovoje prostranstvo hudozhestvennogo teksta (na materiale sovremennoj russoj prozy). SPb.: Renome, 2010. 244 s.
2. Ahmetova G. D. Jazykovye processy v sovremennoj russoj proze (na rubezhe XX–XXI vv.). Novosibirsk: Nauka, 2008. 168 s.
3. Basinskij P. V. Pisatel' protiv slovesnosti (O «dnevnika» S. Esina) // Literaturnaja gazeta. 2002. № 46. S. 7.
4. Gordovich K. D. Tvorcheskaja individual'nost' pisatelja: ucheb. posobie. SPb.: Petronij, 2009. 240 s.
5. Gorshkov A. I. Russkaja stilistika. Stilistika teksta i funkcional'naja stilistika: ucheb. dlja ped. un-tov i gumanit. vuzov. M.: AST: Astrel', 2006. 367 s.
6. Esin S. N. Pisatel' v teorii literatury: problema samoidentifikacii: nauch. monografija / отв. red. Vl. A. Lukov. M.: Lit. in-t im. A. M. Gor'kogo, 2005. 326 s.
7. Sluchajnajaja zakonornost'. Sergej Esin – Mark Averbuh: Mezhkontinental'nye razgovory. M.: Terra – Knizhnyj klub, 2009. 304 s.
8. Harchenko V. K. Teorija tekstovyh naprjazhenij i hudozhestvennaja proza S. N. Esina.
9. Harchenko V. K. Fenomen prozy pozdnego Esina: monografija. M., 2007. 248 s.

Istochniki

10. Esin S. N. Tverbul', ili Logovo vymysla: roman mesta; Dnevnik rektora. 2005 god. M.: Drofa, 2009. 783 s.

Статья поступила в редакцию 12 октября 2013 г.